

Traulko E. V. Specific features of the rehabilitative-educational process by mastering the vocational training programs by the disabled students. – Modern forms of organization and effective technologies of training and rehabilitation for the people with limited abilities of their health and the disabled: the anthology of materials of the scientific-practical conference with the international participation (Novosibirsk, 17–20 October, 2012). – Novosibirsk : NSTU Publishing house, 2012. – Pp. 59–61.

Victorov E. M. Anomalous phenomenon of alienation of man. – Philosophical investigations. – 2001. – № 2. – Pp. 201–211.

Volkova L. S., Grash N. E. Some problems of integrated education in Russia at the present stage defectology. – Defectology. – 2002. – № 3. – Pp. 3–15.

Yarskaia-Smirnova E. R. Social and cultural analysis of atypical. – Saratov : Sarat. State. Techn. Un., 1997. – 272 p.

Zagumennov J. L. Values professional pedagogical education in an inclusive approach. – Postgraduate education: achievements and current trends: reports to II Intern. scientific-practical conf. (Minsk, 27–28 November, 2008). – Minsk : APO, 2008. – P. 1. – Pp. 168–171.

Принята редакцией: 17.05.2014

**СТЕНОГРАММА ВЕБИНАРА
«ШКОЛА И СОВРЕМЕННЫЙ ПОДРОСТОК»³
(27 ФЕВРАЛЯ 2014 Г.)**

Руководитель – академик Я. С. Турбовской

Я. С. Турбовской. Уважаемые коллеги, здравствуйте! У нас еще не было такой острой темы, лишенной какого-либо академизма, и я прошу помнить всех о том, что все сказанное здесь будет опубликовано в журнале «Философия образования» и выставлено у нас на сайте.

Всех нас ужаснула трагедия, произошедшая в одной из московских школ. Не только мы обсуждали это и пытались понять, какие причины ее породили и, что особенно важно: нам следует ответить на вопрос «Что делать?» Конечно, трудно было избежать и бьющих через край эмоций, и стремления узнать детали этих событий. Но не могло не поразить откровенное сведение столь сложной проблемы к недостаточности укрепления школьной охраны, и откровенное лоббирование необходимости продажи населению оружия как средства обеспечения безопасности и социальной стабильности школы. Если мы, действительно, считаем необходимым системно разобраться в сложившейся в образовании и социуме ситуации, если хотим ответственно отнестись не только к столь трагичному факту, но и ко множеству других, то нам не уйти от поиска ответа, в том числе и на вопрос: что может и призвана сделать школа? Нам необходимо понимать, что при обсуждении проблемы школы и подростков, не следует концентрироваться на критике реформ образования и всего того, что нас по тем или иным причинам может не устраивать, а следует проявить дис-

³ Приводится в сокращенном варианте.

куссионную активность в контексте поставленной на обсуждение проблемы. Тогда общей нашей целью будет определение необходимых школе рекомендаций для решения проблемы безопасности в школах. Нам необходимо выявить в нашем разговоре, что школа может, но недостаточно эффективно или вообще не делает, когда речь идет о подростке.

А теперь я предоставляю слово нашим коллегам из Новосибирска. Пожалуйста, Нина Васильевна.

Н. В. Наливайко. Полностью разделяю Ваше мнение, Яков Семёнович, о важности поставленных проблем. Это, действительно, актуально, важно и нужно обсуждать, это настолько глубокая и серьезная тема сегодняшнего дня, что для решения этой проблемы необходимо единение и психологов, и педагогов, и философов.

Я. С. Турбовской. Нина Васильевна, я обращаюсь к Вам как редактору журнала: необходимо продолжить обсуждение этой темы и на страницах журнала.

Н. В. Наливайко. Я думаю, да. Это будет очень интересная тема и такое заметное явление в жизни журнала. Полностью согласна с Вашим предложением. Сегодня у нас готовы два специальных доклада людей, которые профессионально занимаются данным вопросом. Сейчас я хочу Вас познакомить с Еленой Васильевной Андриенко – доктором педагогических наук, профессором, заведующей кафедры психологии и педагогики.

Е. В. Андриенко. Уважаемый Яков Семёнович, уважаемые коллеги, обозначенная проблема очень актуальна, это то, что мы должны срочно решать во всех образовательных организациях и тем более при подготовке преподавателей в системе высшего профессионального образования. Мы готовили этот вопрос вместе с моей коллегой, кандидатом педагогических наук, профессором Шульга Ириной Ивановной. Мы работаем в Новосибирском государственном педагогическом университете много лет и занимаемся проблемами педагогического профессионализма, организацией досуга подростков, что сегодня имеет очень большое значение. Но прежде всего я хотела бы сказать, что, на мой взгляд, одна из причин того, почему мы сегодня разговариваем на эту тему, – утрата социокультурной идентификации современных подростков. Эта та проблема, с которой наши зарубежные коллеги, в частности японские и немецкие, столкнулись намного раньше, потому что вопросы глобализации затронули их за несколько лет до того, как мы столкнулись с ними. Я хочу сказать, что уровень напряженности современных молодых людей, прежде всего подростков, очень высок и с этим необходимо что-то делать. Я думаю, что одна школа не в состоянии справиться с этим вопросом. Я согласна с Ниной Васильевной: проблему необходимо решать сообща и педагогам, и психологам, и детским психиатрам, и даже пенитенциарным педагогам. Буквально три дня назад в нашем университете закончила работу конференция «Педагогический профессионализм в современном образовании», и наш коллега из Германии профессор Филипп Валькенхорст, определяя современную проблематику «Школа и подросток», сказал, что се-

годня образование в Германии базируется на нескольких существенных основаниях: это семья, конечно, школа, пенитенциарная педагогика и детская психиатрия. Для нашего современного педагога пенитенциарная педагогика и детская психиатрия это то, что находится далеко за пределами его профессиональной жизни. Но если мы посмотрим на здоровье современных подростков, на их психосоматику и будем сотрудничать с нашими медицинскими коллегами, не только школьными психологами, мы увидим, что это очень серьезные педагогические, психологические и психиатрические проблемы. Ведь если ребенок, подросток, который хорошо учится, который воспитан в благополучной, внешне, семье, приходит в школу вооруженный и стреляет в упор по своим одноклассникам, это проблема не только педагогики и психологии, но и психиатрии. Точно так же, как самоубийство. Кроме того, наши зарубежные коллеги гораздо раньше столкнулись с детским и подростковым суицидом по причине мощного образовательного напряжения в таком масштабе, который у них есть. Мы с этим сталкиваемся гораздо реже, но хотелось бы, чтобы такого в нашей стране больше не было. И в этом смысле формирование нашей профессиональной готовности должно проявиться в усилении сотрудничества, в том числе и с детскими психиатрами, мы должны понимать, что происходит в нашей современной семье, почему благополучная семья воспитала такого ребенка?

Первыми проблему утраты современными детьми социокультурной идентичности, утраты не только культурной, социальной, личностной, половой, возрастной идентичности, но и профессиональной – для учителей, и родительской – для родителей (многие родители отказываются от воспитания своих детей, передавая его школе, и это совершенно неправильно) обозначили психиатры. Отдельно школа, психиатрия, психология сегодня не в состоянии справиться с этой проблемой. Только вместе мы можем это делать.

Еще один тезис касается инклюзивного образования, которое сегодня имеет удивительную популярность. И в законе «Об образовании» это на первом плане. Почему? Потому что увеличилось количество детей с ограниченными возможностями здоровья. Не просто увеличилось, а колоссально увеличилось. Ведь, по современным данным, уже до 50% детей имеют ограниченные возможности здоровья. Я думаю, что мы не можем решить эту проблему без психиатрии. С другой стороны, школа, ее опыт и педагогические технологии имеют серьезный ресурс и серьезный резерв, при помощи которого мы все-таки могли бы многое сделать. К таким педагогическим технологиям я отношу педагогические целенаправленные технологии организации детского развивающего досуга.

И. И. Шульга. Проблема, которой занимаюсь я, – это проблема организации досуга детей и подростков. С начала 2000-х гг. у нас в Новосибирске проводится большое исследование, которое начинала еще Людмила Глебовна Борисова – доктор социологии, очень известный у нас ученый. В начале 2000-х гг. была опубликована книга «Свободное время и социализация подростков». И в продолжении этой работы мы последние годы занимаемся исследованием

ми в этой области. Что мы обнаружили? Мы видим очень нехорошую динамику в сфере организации пространства за пределами урочной деятельности. Последствия, которые в связи с этим мы обнаружили, можно рассматривать как определенные социальные риски для всего общества. Во-первых, увеличивается доля стихийного досуга, который оказывается за пределами всех образовательных учреждений. Это ведет к увеличению числа различных контркультурных организаций, негативных, асоциальных подростковых субкультур. Когда они стихийны, мы, как педагоги, еще можем повлиять. Но когда это становится проблемой диссоциального воспитания, как говорит Анатолий Викторович Мудрик, когда есть такие силы среди взрослого сообщества, которые используют эту ситуацию в своих целях – политических либо экономических, – и склоняют подростков вступать в различные движения, ведущие к крушению личности, разрушению их незримой психики.

Вторая проблема – коммерциализация детской досуговой инфраструктуры. Из-за того, что услуги становятся платными, увеличивается количество людей, которые не могут позволить себе качественный, педагогически организованный досуг и предлагают, скажем так, нехорошие формы, которые мы не рассматриваем как педагогические формы досуга.

Третья составляющая этой проблемы – распространение маргинального досуга в семье. Сейчас есть множество семей, предпочитающих асоциальные и антисоциальные формы досуга, например досуг с употреблением алкоголя, в которые невольно включены дети, воспринимающие их как свой социальный опыт и несущие в свою жизнь. Это является очень большой проблемой, на которую школа и другие образовательные учреждения не могут повлиять в полном объеме. Проблема воспитания в родительской семье мешает педагогически организованному процессу в этой сфере.

Ну и четвертая проблема в сфере свободного времени детей – превращение следующего поколения в так называемое цифровое поколение. Неконтролируемое чрезмерное общение в социальных сетях и увлечение Интернетом дает детям негативный социальный опыт. Перечисленные проблемы очень сильно влияют на социализированность современного подростка, которая выходит из-под контроля организованного образовательного процесса. И мы работаем над тем, чтобы в организованное культурно-образовательное пространство включать сферу свободного времени подростка, в которой должны работать специалисты, имеющие профессиональную подготовку по взаимодействию с детьми. Спасибо, коллеги.

Н. В. Наливайко. Мне хотелось бы охарактеризовать современного подростка с точки зрения психологии и философии, социальной философии. Совершенно очевидно, что каждому времени соответствует свой тип подростка. Какой он сегодня? Как доказали психологи, мы видим, что когнитивное развитие детей дошкольного возраста упало от среднего до крайне слабого, креативность изменилась с хорошего до слабого, любознательность и воображение снизились. А сами подростки беспомощны в отношениях со сверстниками, они не способны решать простейшие конфликты, агрессивность усили-

вается, что очень опасно сегодня, и, кстати, имеет непосредственное отношение к инциденту, о котором мы говорили. Происходит обеднение в общении подростков, ограниченность, и, как следствие, развивается очень страшный феномен – одиночество в подростковом возрасте.

Вследствие низкого уровня коммуникативности и коммуникативной компетенции у подростков возникает ощущение тревожности, чувство брошенности, ненужности взрослому миру, опустошенности, растерянности, неверия в себя. Чувство незащищенности, отсутствие опоры в ближайшем окружении и, как следствие, беспомощность. Сегодня ребенок, подросток очень остро реагирует на отношение к нему окружающих, он очень раним, и его мир заполняется преимущественно негативными событиями, накапливает отрицательный эмоциональный опыт. Психологи называют это замкнутым психологическим кругом. Я не говорю уже о гормональном взрыве, он был у подростков во все времена, но в наших условиях – своя специфика. И вот каждые десять лет наблюдается распространенность основных форм психологических заболеваний.

Но самое интересное, что, несмотря ни на что, в этот же момент происходит совершенно обратный процесс: увеличивается количество одаренных детей. Это дети с особо развитым мышлением, дети-лидеры, которые умеют влиять на других, это дети, которые имеют золотые руки и т. д. Очень важно, что именно эти дети на первый план выдвигают идею не развлечений, а поиска смысла жизни. Это очень интересное явление.

Мы видим то, что идет всплеск индивидуализма ребенка, подростка. И особенно значимыми сегодня становится для них ценность образования, настойчивость, решительность, ориентация на высокий уровень достижений, хорошее здоровье, презентабельная внешность, и, что очень тревожно, они абсолютно не считают важными такие качества, как чуткость, терпимость, умение сопереживать и т. д.

Иными словами, нынешнее поколение подростков значительно опережает в развитии подростков предшествующего поколения: они проявляют уникальные таланты и в целом всей популяции современных подростков свойственны улучшение памяти, внимания, глубокое сознание, мышление и т. д. Интересная ситуация получается: интеллект у подростков выше, но он не востребован, и это приводит к задержке интеллектуального развития. Появляется умственный голод, а он в свою очередь ведет к отклоняющемуся поведению – наркомании, зависимости от компьютерных игр, другим патологическим зависимостям. Это, конечно, чисто социальное явление. Ну и последнее, что я сейчас скажу: огромное воздействие на физическое, психическое, интеллектуальное, эмоциональное развитие ребенка, подростка оказывает интенсивный натиск информационных потоков из телевидения и Интернета. Как с этим бороться? Никаких рецептов пока нет, но эти проблемы необходимо решать немедленно.

О. Д. Олейникова. В основании любой человеческой культуры находится система запретов. Один из главных запретов – это запрет убийства. Убий-

ство человека разрешалось лишь в определенных условиях, строго установленных культурой. Когда этот запрет нарушается в тревожно массовом порядке, тогда можно с уверенностью констатировать распад культуры, ее деградацию, ее смертельную болезнь, называемую аномией, которая охватывает обширный спектр социально-патологических явлений, таких как ценностно-нормативный вакуум, отсутствие социальной сплоченности, духовная опустошенность, массовое девиантное поведение людей и др.

Проанализируем конкретный случай, который произошёл 2 марта 2014 г. на северо-востоке Москвы в районе Отрадное в школе №263, когда десятиклассник Сергей Гордеев пришел около полудня в школу с двумя «стволами», взятыми у отца: мелкокалиберной винтовкой и охотничьим карабином, убил учителя, одного полицейского и тяжело ранил его напарника.

Известно, что этот школьник был из благополучной семьи, учился на «отлично», участвовал во всех олимпиадах по математике, одно время занимался боевым самбо. В прошлом году он стал призером олимпиады «20 лет правового государства в России». Он мало с кем общался. В классе у него не было ни друзей, ни врагов.

Почему эта трагедия произошла? Насколько этот случай типичный? Или в этой ситуации налицо явные признаки социальной патологии, болезни не отдельной личности, а всего нашего общества.

Начнем с того, что мы живем в условиях потребительского общества, которое предлагает подростку значительный набор моделей жизненного поведения в рамках разнообразных контркультур, субкультур, религиозных объединений, оккультных и философских концепций.

По свидетельству одноклассников, Сергей якобы успел рассказать своим заложникам, что он является адептом солипсизма – радикальной философской позиции, характеризующейся признанием собственного индивидуального сознания в качестве единственной и несомненной реальности и отрицанием объективной реальности окружающего мира. В этическом смысле солипсизм рассматривается как крайний эгоцентризм. Сергей с мировоззрением солипсизма признавал значимой для себя только ту реальность, которую он сформировал в своем индивидуальном сознании, поэтому окружающие его люди были для него незначимы и не достойны того, чтобы с ними считаться.

В индивидуализированном обществе с разрушенной системой ценностных координат сегодня каждый волен свободно и самостоятельно решать, что есть добро, а что является злом. С учительницей литературы Т. Бабкиной у непростого подростка был давний спор «о добре и зле». Подросток считал, что человеческая доброта не имеет смысла. Скорее всего, мальчик до сих пор думает, что, лишив жизни невинных людей, он доказал свою теорию солипсизма.

Молодой человек вынужден жить в условиях постоянного выбора, в котором нравственная составляющая играет решающую роль. Свобода выбора жизненной стратегии осуществляется в системе определенных, заданных извне ценностных векторов. Сущностная особенность современной цивили-

зации является установка на перфекционизм с главным критерием оценки человека – его успешностью. Индивид утрачивает ценность как обладатель истинно человеческих качеств – душевности, совестливости, сердечности, сострадательности. Духовно-нравственные качества человека не столь значимы, поскольку учитываются лишь его статусные достижения: где работает, как учится, сколько получает. Отсюда и ценностные ориентации на личную карьеру, на силу, власть и богатство.

Даже родители с их святой обязанностью понимать и любить своего ребенка безусловно ныне все чаще оказываются зависимы от этой губительной для душевного мира их отпрыска тенденции – в учебе, конкурсах, спорте их дети не имеют права на поражение. Страх неуспешности парализует волю к добру, поскольку здесь цель оправдывает средства. Поэтому, проигрывая даже в обычных играх, подростки порой впадают в депрессию или агрессию, считая свое право на месть за неудачу возможностью установления справедливости.

Есть предположение, что на уровне семьи сформировался когнитивный диссонанс, который тоже мог стать пусковым механизмом агрессии. Когнитивный диссонанс определяется как состояние психического дискомфорта, вызванное столкновением в сознании человека конфликтующих представлений. Происходит сбой жизненной программы, когда интеллектуальный центр не понимает, к каким сигналам надо прислушиваться, а какие отметить как случайные. Если поступающие сигналы противоречивы, подростки впадают в когнитивный диссонанс, и какими могут быть последствия – мы видим.

Проблема любого воспитания – это передача лояльности к ценностям. Ценности, которые воспитатель считает своими, он должен передать воспитаннику так, чтобы тот принял их в свой внутренний мир по своей воле. Все навязанное извне, принуждением или силой авторитета, в какой-то момент будет отброшено. Более того, отвержение навязываемых извне ценностей может завершиться физическим уничтожением носителя этих ценностей. Сегодня жизненных сюжетов, потрясающих воображение своей немислимой жестокостью, чересчур много. Как правило, агрессия возникает на фоне бессмысленности жизни. Когда в обществе достаточно возможностей себя реализовывать, агрессии меньше.

В Россию в силу глобального информационного пространства проникли те модели поведения, которых раньше не было. Школа – это часть общества, поэтому и ученики, и родители находятся под влиянием общественных трендов, среди которых криминализация общественного сознания, героизации преступников, превращение оружия, стрельбы вот что-то игровое. Идея солидарности утратила прежнюю популярность, теперь каждый за себя, теперь каждый должен самостоятельно решать вопросы добра и зла.

Технологизация образовательного процесса объективно приводит к снижению роли учителя в школе и преподавателя в вузе. И тот и другой выступают в роли тьютера, сопровождающего качество усвоения учебного материала. Сейчас учитель – социально униженная профессия, в том числе и вла-

стью. Сегодня ученик относит учителя к категории обслуживающего его персонала и ведет себя соответственно заданной линии поведения, не церемонясь. «Авторитет старших» – анахронизм. Произошедшее в московской школе – явление не единичное: Интернет полон аналогичной информацией. Тогда как отношение к учителю – один из показателей нравственно-психологического состояния общества. Задачей нравственного воспитания оказывается формирование морального иммунитета к злокачественным соблазнам общества потребления, и самой надежной прививкой от вируса антиценностей является подлинно высокая гуманистическая культура. В этом случае появляется возможность делать осознанный выбор среди возможных альтернатив без дальнейших осложнений.

Воспитательные усилия совестливых педагогов зачастую оказываются напрасными, поскольку в процессе изменения общественного строя возникли социально-экономические проблемы, воздействующие самым негативным образом на качество и результативность воспитания. Воспитанники погружены в атмосферу дезинтегрированного общества, разобщенного по экономическим, этническим, социальным и конфессиональным маркерам. Возросла склонность молодежи к наркомании. Платные образовательные услуги, которые не по карману многим родителям, являются свидетельством нарушения социальной справедливости, что еще в большей степени усугубляет разобщенность в детской среде. Коллектив перестал служить средством развития личности. Большая часть школьников имеет неравные стартовые условия в процессе социализации личности.

При этом на государственном уровне продвигается сентенция, что школа не воспитывает, а выполняет чисто образовательную функцию. Воспитание в потребительском обществе не может быть подлинным приоритетом, обеспеченным финансовой и кадровой поддержкой, поскольку, чем более в моральном отношении ущербен потребитель, тем легче он поддается на уловки рекламы, тем невзыскательнее его эстетические вкусы и примитивнее ценностные установки. Поэтому системе образования нет смысла надеяться на стабильно позитивное отношение государства к своим проблемам. Педагогическое сообщество будет вынуждено порождать подлинных подвижников, благодаря которым, возможно, будет осуществлен основательный прорыв в теории и практике воспитания.

Методологией теории и практики современного воспитания стал прагматизм, в результате влияния которого формируются цели образования – подготовить подрастающее поколение к успешной деятельности в условиях рыночной экономики. Целесообразность прагматической системы воспитания объяснялась ее способностью воспитать свободного человека – человека без комплексов и обязательств. Молодое поколение стремится овладеть теми компетенциями, которые обеспечивают деловой успех, карьерный рост и процветание в бизнесе. Молодежь чаще всего склонна верить, что сегодня морально оправдано все то, что приносит доход. Фильмы ужасов, криминальная хроника в новостях и сериалах в любое время суток – все становится жизненным фоном. В воздухе ведь не

только атмосфера насилия и злости, но и ощущение безнаказанности. То, чем живут взрослые, неизбежно пропитывает мир детей и определяет, на какую жизнь они оказываются настроены. Важно определить цель процесса воспитания, которая оказывает системообразующее и ориентирующее влияние на воспитательный процесс, на его методы и формы, что в итоге определяет его конечный результат. А. С. Макаренко считал, что «цели нашей работы должны быть выражены в реальных качествах людей, которые выйдут из наших педагогических рук». Какова сегодня цель воспитания, таковы и современные дети: многие в соцсетях одобряют поступок Гордеева.

Случай «московского стрелка» следует рассматривать как обобщающее социальное явление, а значит, возрастает ответственность ученых и педагогов, стремящихся решать непростые задачи воспитания подрастающего поколения. От того, насколько эффективны будут эти решения, зависит настоящее и будущее нашего общества.

Я. С. Турбовской. Культура ведущего не позволяла мне Вас перебить, хотя я в начале нашего разговора просил не сосредотачиваться только на этом примере, а попытаться остаться в проблеме «школа и подросток». Но поскольку Вы все же подняли эту тему, я хотел бы задать Вам один вопрос: «Не видите ли Вы внутренней противоречивости в Вашем выступлении?» Сначала Вы сказали, что семья учит ребенка быть добрым, хорошим и т. д., а сказанное Вами потом опровергало то, что Вы сказали в начале. Получается, что позиция того ученика, который спорил с учительницей о добре и зле, нашла подтверждение в Вашем выступлении. Или я неправильно понял Вас?

О. Д. Олейникова. Семья, в которой жил Сергей, православная. С одной стороны, православие учит милосердию, пониманию, а с другой – среда навязывает агрессию.

Я. С. Турбовской. Вы говорили о семье как таковой, как структурной единице общества и говорили, что в семье его учат светлому, доброму и хорошему, а получается, что вот он такой. А все Ваше последующее выступление напоминало мне выступление греческих, египетских плакальщиц у гроба. Идеи, за которые Вы так ратуете, кто, кроме науки, эту идею может выдвинуть? У общества нет другой возможности. Что такое наука? Это выверенный отряд людей от имени народа, которому вменено в обязанность освещать путь в будущее для того же народа. А у Вас получается, что мы будем ждать манны небесной от кого-то, и этот кто-то нам скажет, как надо жить и действовать. Все Ваше выступление основано на том, что учитель должен, учителя не должны, вообще, а кто это должен? Поэтому я еще раз предлагаю сосредоточиться на субъектной ответственности к каждой проблеме. Я очень прошу внести в то, чем мы занимаемся, профессионализм. Уважаемые коллеги, я не носитель истины в последней инстанции, еще будут выступающие, но я очень прошу сосредоточиться на проблеме «школа и подросток». Может ли школа что-нибудь сделать в тяжелейших условиях, в которых мы находимся. Во многом Ольга Дмитриевна права, на самом деле ситуация тяжелейшая, но кто-то же должен...

А. А. Изгарская. Яков Семёнович, как бывший директор школы могу сказать, современная школа в сложившихся условиях ничего не может предпринять, чтобы предотвратить подобные ситуации.

Яков Семёнович, в прошлый раз Вы говорили о том, что школа должна создавать некоторое пространство, которое формирует ребенка, личность. Так вот, в условиях, которые сейчас создает государство для школы, это невозможно. Смотрите, что происходит. Вспомните Федеральный закон № 83 – закон об оптимизации. Только один пример. Все маленькие школы, в которых учатся по 250–300 человек, исчезают. Сейчас получила распространение гигантомания. Директор перестает быть педагогом, становясь либо хозяйственником, либо управленцем. Идея Сухомлинского, извините, идет в печку. Управлять огромным педагогическим и детским коллективом невозможно. Это поток детей, которые никому не подчиняются, никем не управляются и не воспитываются. Условия гигантомании, когда от полутора до трех тысяч детей находятся в учебном заведении, в школе, нивелируют всякие возможности учителей, их способности, их души, их таланты, они не действуют как единый механизм, их ничего не скрепляет. Директор школы теряет всякие возможности создавать коллектив, лелеять его, воспитывать самих учителей, начиная с тех, кто приходит работать в школу, с молодежи, в результате текучка молодых кадров в школе огромная. Современная школа не в состоянии предотвращать трагические ситуации, вся система, которая у нас сегодня создается – это система оптимизации. В результате огромное количество идей нашей отечественной педагогики оптимизируется, то, что делало нашу педагогику эффективной и уникальной, сегодня идет в печку, может быть, я говорю слишком резко, но это так. И на сегодняшнем этапе школа, педагогический коллектив, не может предотвращать такие явления и обеспечивать безопасность образовательного пространства.

Я. С. Турбовской. Уважаемые новосибирцы, я искренне благодарен вам за ваши столь искренние выступления. Они свидетельствуют о том, что дело декабристов не умерло, оно живет.

Е. В. Андриенко. Яков Семёнович, школа может.

Я. С. Турбовской. Одну секундочку, уважаемые коллеги. Одна школа может, другая школа не может, это все понятно. Но вот Анна Анатольевна убедительно доказывала, что современная школа не может. Мы не должны игнорировать ее точку зрения, мы будем ее внимательно анализировать и думать, как сделать так, чтобы такое горячее сердце переключилось, и она поняла, что школа может, ну или не может. Любовь Алексеевна Григорович – профессор, психолог, доктор. Пожалуйста, Любовь Алексеевна.

Л. А. Григорович. Добрый день, уважаемые коллеги. Я, действительно, хотела бы остаться в рамках заявленной темы «Школа и современный подросток» и к тому, что было уже здесь сказано, добавить или расставить некоторые акценты. Я коротко остановлю Ваше и свое внимание на том, что с моей точки зрения является ключевым. Во-первых, психология – наука неточная, и здесь в большей степени следует апеллировать не к результатам кон-

клетных исследований, потому что мы можем найти множество эмпирических противоречий, а ориентироваться на некоторые выявляемые тенденции. Одной из них является мнение большинства психологов, что подростковый возраст – один из самых сложных возрастов. Смотреть на проблемы страны глазами подростка – это крайне сложная задача, потому что они особенные, и эта универсальная особенность в первую очередь заключается в том, что в этом возрасте происходит личностно-социальная сепарация подростка от родителей, от взрослых и, как правило, это происходит через противопоставление: есть «Мы» (сверстники, подростки) и есть «Они» – взрослые. Поэтому надо понимать, что мы, как взрослые изначально ограничены. Что мы можем сделать сегодня? Одним из таких путей я вижу, например, более глубокое изучение данного возраста при подготовке будущих педагогов. Вот почему у нас выделена специализация «учитель начальных классов», мы отдельно выделяем человека, который четыре года в контакте с другими коллегами занимается преимущественно определенным классом, а дальше, вступая в сложный подростковый возраст, дети оказываются, по сути, одинокими. Нет человека, к которому подросток может обратиться. Институт кураторства, тьютерства, необходимо устанавливать, и, мне кажется, что это важнее, чем многие другие вещи.

Современные подростки, здесь Нина Васильевна абсолютно точно выделила одну из ключевых, главных отличительных черт подростка, – это большой разброс, часто полярный разброс в том, что мы наблюдаем сегодня. От крайних вариантов, ну я бы не назвала это деградацией, сниженности мотивационных, познавательных каких угодно установок до такого яркого развития. И необходимо учить студентов педагогических вузов, будущих учителей и тех педагогов, которые уже работают в школе, умению общаться с этим сложным, большим, вариативным пространством. Мне кажется, что наши педагоги не очень к этому готовы. Согласно результатам опросов подростков-школьников 80% из них сталкиваются с грубым отношением к себе, оскорблениями со стороны учителей. Я не говорю, что их нужно любить, но сохранять уважительное отношение к подростку необходимо. Получается, что учителя идут в школу, как на войну, в ситуации жесткой заданности – это проблема мотивации и отношений, это важнейшая проблема. Вот Яков Семёнович, говорит о том, что был проведен эксперимент, одной из задач которого являлся поиск современных инструментов внутри вариативного образовательного пространства, но при этом мы удерживаем эту общую идею.

Я. С. Турбовской. А теперь я хочу предоставить слово действующему учителю с большим стажем и к тому же доценту Вере Сергеевне Филиновой.

В. С. Филинова. Добрый день, дорогие коллеги! Я очень рада, что тема сегодняшнего вебинара «Школа и современный подросток» и что здесь мы можем говорить не только о подростке, но и о том, что может сделать школа. Первый вопрос: «Должна ли школа воспитывать подростка? И если мы положительно отвечаем на этот вопрос, то возникает второй вопрос: «Что может сделать именно школа? Чем школа может помочь подростку? Где наибо-

лее уязвимое место в образовательном пространстве, в школьном учебном процессе? Где подростку становится наиболее трудно? Не только я задавалась этим вопросом, не только наша, советская и российская, школа этим занималась, но и другие поднимали этот вопрос и пришли к выводу: это проблема перехода от начальной школы к среднему звену, так называемая проблема пятого класса, которая есть во многих школах. Оказывается, здесь усиливается социальная напряженность, возникают конфликты между учителями, к которым переходят ученики начальной школы, теряется интерес к обучению, остро встает проблема дисциплины. Взаимодействие между начальной школой и средним звеном является ответом на вопрос о воспитании подростка: отношения между подростком и взрослыми, между подростком и подростками необходимо строить по принципу преемственности между начальной школой и средним звеном, только в этом случае мы сможем влиять на подростка. Ведь в пятом классе многие дети отторгают многое, что было сделано в начальной школе. И поэтому я предлагаю использовать технологии, разработанные Яковом Семёновичем Турбовским, и внедрить их в массовую практику. И если мы при решении проблемы перехода в пятый класс будем влиять на подростка, то у нас появится возможность лучшим образом влиять на него и в последующие годы.

Я. С. Турбовской. Спасибо Вам, Вера Сергеевна. Уважаемые коллеги, если Вы не возражаете, я тоже возьму слово.

Мы не можем не понимать, что ситуация с подростками системно неблагополучна. Я утверждаю, что в современных условиях, как никогда раньше, включая и советское время, наша жизнь, будущее нашей страны, ее реальное положение в мире зависит именно от школы. Классовое расслоение общества, если не полная, то весьма существенная потеря семейного влияния, разлагающее влияние телевидения и контркультуры, коренное изменение традиций, сложнейшие межнациональные отношения, близорукость распространенного в обществе гипертрофированного отношения к детям и т. д. – это далеко не полный перечень факторов, так или иначе оказывающих влияние на нашу действительность и порождающих совокупность проблем, связанных с воспитанием поколений. Всему этому не только призвана, но и имеет реальные возможности противостоять школа. Так возникает самый главный для отечественного образования вопрос: «Какие это возможности и эффекты?». Социальная дифференциация общества не могла не способствовать появлению вариативного образования, за этим выводом – сложнейшая совокупность изменений и востребованных образованием условий. Первое из них – необходимость принципиально другой философии образования, с позиции которой нашему социуму необходима не одна разносторонне развитая личность, а принципиально разные личности, разные типы личностей. Признание необходимости обществу разных типов личностей принципиально изменяет все: и стандарт, и издание законов, и управление, и принятие решений. А это значит, что дискуссии, которые велись в педагогической среде об авторитарном, демократическом, либеральном воспитании, лишены смысла. Нам нужны представители всех видов

педагогик. Общество системно нуждается в них. Кадетский корпус, суворовское училище, религиозная школа, колледж, лицей, гимназия и т. д. – это не только разные учебные заведения, но и разные формирующие среды, в которых культивируются и используются в воспитательном процессе разные методы оказания влияния. Мы не можем не понимать и должны понять, что государство, его ценности, его духовная направленность далеки от реального опыта реального ребенка. Для него эти вещи сконцентрированы в тех реальных отношениях, в реальной среде, в которой он формируется. Это его государство, его ценности, его отношения. И школьная формирующая среда это способна делать. Есть совокупность условий, которым каждая школа как формирующая среда призвана в обязательном порядке соответствовать. К ним относятся преодоление мифа о воспитывающей роли школы, о воспитывающей роли предметов «литература» и «история». Ни школа, ни предметы без надлежащего функционирования не только этого не воспитывают, но и способствуют деградации личности. Ресурсы, потенциальные возможности, которые есть у отечественной школы, мы не используем. Как мы преподаем русскую великую литературу? Что такое вообще русская литература? Это возможность ребенка быть наедине с другим миром, проникать в этот мир, формировать свое понимание этого мира. А мы литературу превратили в набор формальных знаний. В результате они не имеют любимого писателя, они не имеют любимых книжек, они не живут в мире с любимыми героями, они не понимают, кто для них образец. Представители русской интеллигенции XIX в. обсуждали книги «Отцы и дети», «Евгений Онегин», «Герой нашего времени». А мы о чем говорим? Об экзаменах, о ЕГЭ, о деньгах, об объединении, о разъединении и больше ни о чем. Мы потеряли внутренний мир ребенка.

Мы забыли, что принцип «товарищества» для подростка есть самое главное: вне коллектива не может быть ничего. Педагогика Макаренко как была, так и остается в силе, поэтому не надо отвергать прошлое, не зная прошлого. Необходимо отказываться от того, что не годится, а то, что было нужным, то, что остается нужным, надо использовать. Проблема и заключается в том, что мы с вами понимаем, что школа – это особая среда, которая формирует определенный тип личности, которая прибегает к определенным методам воспитания и влияния, которая имеет свои традиции, особенности, которые определяют то, как ведет себя ребенок в данной среде.

Выступая на заседании Общественной палаты г. Москвы по проблемам образования, в присутствии руководителя образования города я сказал: «Мы проводим эксперимент, если они плохие, то результаты плохие, но если результаты хорошие, то их для чего-то проводили». Вот я сейчас убежден, что вы совершенно не знаете, что мы решили мировую проблему «пятого класса» – проблему продолжающегося влияния на подростка, только для смягчения туда переходит и классный руководитель, и школа, которая использует методы детской школы, где его знали, его любили, его называли по имени, а тут пятнадцать учителей, он теряется перед ними, он отторгает это от себя. Особенно, когда мы пытаемся оценивать его успехи в процентах: три балла или 2,7 балла.

Это же живой человек. В культуре русского педагогического образования всегда было два понятия «оценка» и «отметка». Оценка – средство, используемое учителем для стимулирования слабого и сильного. А мы доверяем ему на воспитание своих детей, но не доверяем оценивание знаний. Я могу сказать, что большинство оценок по ЕГЭ соответствует тем, которые учителя выставляют без ЕГЭ. В последнем случае мы слышим как ребенок рассуждает, как он говорит, мы смотрим ему в глаза, мы понимаем, чего он хочет. И не случайно мы сейчас восстанавливаем статус золотой медали. Что такое золотая медаль? Золотая медаль – это знак того, что растет великий гражданин и труженик, десять лет учиться на «отлично» – это же подвиг человеческий. Мы исключили из обихода слово «труд». Учение – это труд, колоссальнейший труд. Но без интереса, без влюбленности невозможно. Когда ученик шестого класса выбегает после урока физики и кричит, что они сегодня открыли закон Архимеда, я понимаю, кто учит этого ученика и как, потому что он никакого закона не открывал, но ему это так преподнесли. Поэтому понимание того, что наука – это веселое дело, что учение – веселое дело необходимо вернуть в школу. У нас сегодня нет ни одного учебника, адресованного детям. А без учебника невозможно говорить о субъектности формирования личности. Только учебник сегодня может сыграть субъектную роль в учении, а не учитель. А у нас сегодня нет ни одного соответствующего учебника. Мало того, мы сегодня ведем спор об учебнике по истории. Об этом я написал большую статью, я надеюсь, что она выйдет. Мы заблудились в трех соснах. Мы что детям преподаем, историю или историографию? И от понимания этого зависит то, что учителю вообще никакой учебник не нужен. Учитель должен знать все учебники, учитель должен знать программу, он должен быть образованным человеком, он должен соответствовать требованиям программы, а не вычитывать знания из учебника, не озвучивать этот учебник. А мы его во что превращаем? Либо он специалист, которого мы выпускаем, и тогда мы должны вернуться к вопросу: «Выпускаем ли мы специалистов?» А насколько он способен научиться учить? Самая главная задача учителя и школы – не учить, а научить учиться. Научить понимать, где мы находимся, кто мы, зачем мы, что мы будем делать в этой жизни? Поэтому вариативное образование, которое сегодня определяет структуры, требует от нас изначального понимания, что школа может очень многое. Школа имеет детей, которые обладают сензитивной способностью воспринимать те реалии, которые мы хотим сформировать. А для этого надо быть талантливым, надо знать психологию, надо преподавать так, чтобы интерес и любознательность определяли отношение к учебнику, а не заученные фразы. Была опубликована моя книга, посвященная русскому языку. Как русскоязычному ребенку ставят «два» по родному языку? Скажите, может ли «двойка» быть стимулом любви к учению? Поэтому проблема заключается в том, что учение у нас преподносится как тяжелейший балл, которым надо овладеть, а ведь самом деле там ничего сложного нет. Школа утрачивает способность влиять на ребенка, поэтому перед нами, дорогая Нина Васильевна, встает задача, о которой мы говорили: необходимость объединения усилий философов и педагогов. Семи-

нар, который мы сегодня провели, является вкладом в решение этой проблемы. Вот на этом я бы хотел поставить многоточие и предложить высказаться.

Н. В. Наливайко. Яков Семенович, спасибо огромное за ваш доклад. Хочу сказать слово в защиту нашего учителя. Мы сегодня сказали, что он находится в тяжелом положении. Образование – это отражение всего нашего социума. В Новосибирске прошел конкурс учителей, и меня поразило, насколько яркие личности наши молодые учителя: цельные, глубокие, имеющие свой взгляд на мир. Я радовалась, глядя на них. Несмотря на все убогие отношения, которые наблюдаются в социуме, растет новое поколение, чему я искренне рада.

Систему воспитания нельзя выкидывать из школы и не только из школы, но и из вуза. Преступление – то, что сейчас сделано. Должна быть целенаправленная, продуманная, работающая система, а ее нет, она разрушена. И не кричать об этом сейчас нельзя. Это мое глубокое убеждение. (К примеру, где военно-патриотическое воспитание? Где вообще патриотическое воспитание? Где понятие патриотизма?)

А. А. Изгарская. Яков Семёнович, есть еще один вопрос. Как Вы считаете, случайно ли то, что данное событие произошло именно в Москве? Впервые в России такое произошло именно в Москве, а не где-то, например, во Владивостоке, Новосибирске, Барнауле или Красноярске. Почему это произошло в Москве?

Я. С. Турбовской. Хотите Вы это признавать или нет, но процессы, которые происходят в Москве, через некоторое время происходят по всей России. Ваш вопрос показывает, что Вы плохо информированы. Мне приходилось принимать участие в многочисленных телепередачах, где обсуждались случаи с драками, убийствами, изнасилованием, происходившие в маленьких русских городах. Поэтому случай, произошедший в московской школе, исключения никакого не составляет. Я хочу Вам сказать, что хорошо знаю школы России. Я много лет был Президентом российской академии русской педагогики. Я представляю все регионы и вашу область тоже очень хорошо. Проблема заключается в том, что мы должны понять простую вещь: управление образованием основывалось и будет основываться не на критике, а на передаче передового опыта. Огромное количество прекрасных школ есть в Москве, лучших в стране. Поверьте мне, что в Москве есть школы, где телевизоры и компьютеры используется для разностороннего, комплексного развития. Я не буду сейчас называть много школ, назову только московскую школу №180, школу имени Чехова, где любят русское слово, где живут в атмосфере русского слова, где посадили вишневый сад, где поставили памятник Чехову. Каждый год приходят ученики, которые двадцать, тридцать лет назад закончили эту школу, это товарищи, они все от одной мамы, от одной школы. Не нужно искать виноватых, необходимо понимать, как нам вместе спасти нашу Родину, как нам вместе сделать все, чтобы она выпускала людей, способных преобразовать ее.

Я хотел бы Нине Васильевне ответить на ряд поставленных ею вопросов. Нина Васильевна, я с Вами согласен, что сегодня много талантливых учителей, и я не могу с Вами не радоваться тому, что они умеют рассуждать, говорить, доказывать. Но проблема заключается в том, в какую школу они попадут, в какую атмосферу, какие традиции заставит жизнь соблюдать. Вот, что важнее всего. Представители министерства считают, что списывать – это плохо, тем самым нарушая принцип товарищества ради отметки, разрушая фундаментальный принцип бытия народа, его культуру. Нам пора возвращать в школу истинные ценности, на которых основывается бытие народа, и в этом я с Вами согласен, Нина Васильевна. Надо понимать, что эти дети выходят способными, но они должны быть научены, чего еще не сделано. Нам надо с позиции философии восстанавливать системность, природосообразность, комплексность. Без этого ничего не будет.

Н. В. Наливайко, А. А. Изгарская